

Родительское напутствие заставляет подумать о себе: если есть люди честные и мужественные, восстающие против несправедливости, нравственно-чистые — то каков же он? Картина, нарисованная в «Яжелбицах», помогает путешественнику посмотреть на себя глазами Крестьянкина и крестецкого дворянина. И он с ужасом видит, что моральная грязь и нравственная нечистоплотность общества присуща и ему, члену этого общества.

«Нечаянный хлад разлился в моих жилах, я оцепенел. Казалось мне, я слышал мое осуждение. Вспомнил дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя утехы истинным предметом горячности. Вспомнул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь. . .» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 199).

Прозрев, путешественник обвиняет, но не только самого себя; впервые он выступает с обличением по адресу всего общества господствующих. Это они, это существующая государственная система виновата в существовании социального бедствия — проституции. «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиною, разве не правительство? Оно, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам; но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников, и в некоторых Государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовныя страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийства нередко бы источник свой имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ. — И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестью в оковы. Боится оно даже посторонняя тревоги. Желало бы, чтоб везде одинако с ним мыслили, дабы надежно лелеяться в величестве и утопать в любострастии: . . Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах. Одинаковая участь облегчат их жребий, а превосходство чье либо тягчит их разум и дух» (Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 202. Подчеркнуто мною. Г. М.)

Следующая глава дополняет это обвинение новыми фактами.

В главе «Едрово» путешественник, утомленный беспрестанными разоблачениями своих заблуждений, попадает в иной мир — мир угнетенных. Он как замороженный ходит среди крестьянок; ему импонирует их здоровая красота, их сильные, обнаженные руки, их веселые взоры, их «приятности», прелестные без «покрова хитрости». Он покорен нравственным обликом крестьян. Что это за